

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВНУТРЕННЕГО ЛЕКСИКОНА ЧЕЛОВЕКА

В данной статье рассматриваются изменения в культурной семантике единиц внутреннего лексикона представителей русской этнолингвокультуры, произошедшие под влиянием гетерогенного языкового окружения. Воздействие иноязычной среды на респондентов, проживающих за пределами России, проиллюстрировано наиболее показательными примерами.

Ключевые слова: лингвокультурология, свободный ассоциативный эксперимент, языковые маркеры национально-культурного сознания, ассоциативное поле.

«Стремительная глобализация мировых проблем, необходимость учитывать универсальные и специфические характеристики поведения и общения различных народов в решении самых разнообразных вопросов, потребность знать заранее те ситуации, в которых велика вероятность межкультурного непонимания, важность определения и точного обозначения тех культурных ценностей, которые лежат в основе коммуникативной деятельности; объективная интегративная тенденция развития гуманитарных наук, необходимость освоения лингвистами результатов, добытых представителями смежных отраслей знания» [3: 73] – все эти причины, по мнению В.И. Карасика, обусловили появление лингвокультурологии.

В настоящий момент теоретико-методологическая база лингвокультурологии все еще находится на стадии становления. Среди ученых нет единого мнения ни относительно статуса данной области знания, ни относительно предмета и методов лингвокультурологического исследования. Несмотря на это, исследователи в рамках собственных теорий пытаются осветить разные стороны лингвокультурологической проблематики: изучают культурную семантику языковых знаков; определяют способы, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру; выявляют факторы, обуславливающие национально-культурную специфику общения, и т.д.

Необходимо отметить, что сущность национально-культурной специфики языкового знака лингвистами раскрывается по-разному. В.Н. Телия, например, средоточием культурных коннотаций считает единицы фразеологического состава языка. Фразеологизмы, по мнению ученого, возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива. Данный опыт связан с культурными традициями этого коллектива, «ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» [7: 13]. Система образов, закрепленных во фразеологизмах, служит своего рода нишей для кумуляции мировидения и так или иначе связана

с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях.

Изучая технологию воплощения культурной коннотации в содержании единиц фразеологического состава языка, В.Н. Телия приходит к выводу, что средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов служит образное основание, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном «пространстве» данного языкового сообщества, которая и составляет содержание культурно-национальной коннотации [6: 215].

В.В. Воробьев среди языковых единиц различает собственно языковые единицы и лингвокультуремы, в которых помимо обычных составляющих (знак – значение) отмечается культурно-понятийный компонент как совокупность «культурного ореола» [2: 48]. Набор лингвокультурем образует лингвокультурологическое поле, которое «дает для определенного народа свою «картину мира», а сопоставление таких «картин мира» у разных народов вырисовывает сходства и различия в их языках и культурах» [2: 34].

Т.И. Вендина выявляет национально-культурную специфику языка через изучение внутренней формы производного слова. Полагая, что словарный состав во многом определяется архетипом языкового сознания народа, ученый отмечает, что «язык культуры» есть не что иное, как результат процесса смыслообразования, при котором смыслы опредмечиваются, застывая в завершенных номинаструктурах. «Так как в любом языке словообразовательно маркируется то, что является биологически, социально или культурно значимо в сознании народа, то можно предположить, что словотворческий акт определенным образом организует смысловое пространство языка, обуславливая отбор значимых фактов и устанавливая наличие между ними связи» [1: 16]. Внутренняя форма слова, проявляющая тот признак, который ложится в основу названия, согласно Т.И. Вендиной, может играть важную роль для выяснения национальных особенностей семантики слова.

По мнению И.В. Приваловой, в рамках антропоцентрической парадигмы лингвистики, характеризующейся рассмотрением проблемы взаимосвязи языка и культуры, наличием таких направлений, как лингвокультурология, сравнительное лингвострановедение, этнопсихолингвистика и т.д., следует говорить о национально-культурной маркированности всей языковой системы, а не отдельных ее единиц. Степень национально-культурной маркированности может быть различной: при предельно минимизированной степени маркированности наблюдается феномен языковой универсальности, примером максимально допустимой степени маркированности являются лакунизированные языковые явления.

Ученый отмечает, что этнокультурная специфика образа языкового сознания детерминирована реальной действительностью, так как «явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные и пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений, и образ мира меняется от одной культуры к другой» [8: 5]. Образ языкового сознания оформляется с помощью языковых средств, отражающих перцептивные и концептуальные знания языковой личности о культурных предметах реального мира. Любые изменения образа мира, неизбежно происходящие в процессе развития этноса/нации, отображаются и фиксируются в языковых маркерах национально-культурного сознания (далее ЯМНКС), под которыми И.В. Привалова понимает «вербальные репрезентанты образов национально-культурно-

го сознания, объективаторы квантов культурно-обусловленных знаний, формирующих национальные когнитивные базы участвующих в акте межкультурного общения этноязыковых личностей» [4: 62].

Представляется интересным рассмотреть изменения в культурной семантике единиц внутреннего лексикона человека, произошедшие под влиянием гетерогенного языкового окружения.

Материалом исследования послужили результаты опроса двух групп участников свободного ассоциативного эксперимента. В первую группу вошли представители русской этнолингвокультуры, проживающие на территории этнической родины – России. Вторую группу респондентов составили этнические русские, проживающие в Украине, США, в странах Европейского союза (Греция, Кипр, Италия, Нидерланды, Германия) и Азии (Индия, Израиль).

В эксперименте приняли участие 712 человек. Среди них 362 человека постоянно проживают в России, 350 человек выехали за рубеж на постоянное место жительства. Возраст испытуемых варьировался от 15 до 85 лет. Всего было получено 112485 ассоциативных реакций: 57553 – от информантов первой группы, 54932 – от информантов второй группы.

Свободный ассоциативный эксперимент проводился методом письменного анкетирования. Каждый испытуемый получил бланк анкеты, содержащий инструкцию по выполнению и 150 слов-стимулов, на которые должен был ответить первым приходящим в голову словом-ассоциатом либо назвать ряд таких слов. Кроме того, испытуемый должен был сообщить о себе следующие сведения: возраст, пол, место проживания, род занятий, время проживания за пределами России, место проживания до переезда.

За основу свободного ассоциативного эксперимента были приняты три группы ЯМНКС, выделенных И.В. Приваловой: ЯМНКС лингвоструктурного типа, ЯМНКС лингвокультурного типа и ЯМНКС лингвоэкологического типа [4; 5].

Совокупность всех реакций, полученных от участников свободного ассоциативного эксперимента, позволила смоделировать ассоциативные поля слов-стимулов, которые являются отображением внутреннего лексикона носителя определенной этнолингвокультуры и указывают на форму и способы хранения ЯМНКС в его сознании.

Например, анализ ассоциативных полей ЯМНКС лингвоструктурного типа *сидеть* выявил различия в восприятии данного стимула респондентами, проживающими в России и выехавшими за ее пределы. Если у россиян наиболее частотной была реакция *стул* (11,05%), то жители зарубежья чаще всего указывали реакцию *тюрьма* (8,47%). Наибольшую тематическую группу реакций респондентов первой группы составили слова, обозначающие действия, сопровождающие процесс, обозначаемый словом-стимулом: *отдых* (5,93%), *отдыхать* (2,16%), *работа* (1,08%), *смотреть телевизор* (1,08%), *дремать* (0,81%), *занятие* (0,81%), *ожидание* (0,81%), *посиделки* (0,81%), *скупать* (0,81%), *вязать* (0,54%), *думать* (0,54%), *ничего не делать* (0,54%), *работать* (0,54%), *безделье* (0,27%), *болтать* (0,27%), *ерзать* (0,27%), *ждать* (0,27%), *кантоваться* (0,27%), *медитировать* (0,27%), *митинг* (0,27%), *не стоять* (0,27%), *очередь* (0,27%), *расслабление* (0,27%), *сидеть и слушать* (0,27%), *смотреть фильм* (0,27%), *спать* (0,27%), *человек отдыхает* (0,27%), *читать* (0,27%). А среди ответов респондентов второй группы преобладают реакции, обусловленные восприятием стимула

как синонима отбывания срока в местах лишения свободы: *тюрьма* (8,47%), *в тюрьме* (3,67%), *отбывать срок* (3,12%), *зеки* (0,56%), *зона* (0,56%), *наказание* (0,56%), *нары* (0,56%), *бандиты* (0,28%), *в ссылке* (0,28%), *держат ответ за содеянный поступок* (0,28%), *заключение* (0,28%), *лагерь* (0,28%), *лишение свободы* (0,28%), *места не столь отдаленные* (0,28%), *наказан* (0,28%), *на нарах* (0,28%), *отбывать наказание* (0,28%), *побег* (0,28%). Участники обеих групп предоставили одинаковое количество реакций, обусловленных многообразием вариантов сочетаемости слова-стимула. Так, жители России указали следующие реакции (14,03%): *на стуле* (4,04%), *на паре* (1,62%), *в интернете* (1,35%), *в тюрьме* (1,35%), *на диване* (1,08%), *за решеткой* (0,54%), *за столом* (0,54%), *в кафе* (0,27%), *в контакте* (0,27%), *в кресле* (0,27%), *в позе лотоса* (0,27%), *за компьютером* (0,27%), *за партией* (0,27%), *за разговором* (0,27%), *на губе* (0,27%), *на диете* (0,27%), *на корточках* (0,27%), *на месте* (0,27%), *по-турецки* (0,27%), *у костра* (0,27%); информанты, выехавшие за рубеж, предоставили 13,52% подобных реакций: *в тюрьме* (3,67%), *на стуле* (3,39%), *за партией* (1,13%), *за праздничным столом* (0,85%), *за компьютером* (0,56%), *на берегу* (0,56%), *на диване* (0,56%), *на лавочке* (0,56%), *на паре* (0,56%), *в позе лотоса* (0,28%), *в ссылке* (0,28%), *в школе* (0,28%), *дома* (0,28%), *на завалинке* (0,28%), *на уроках* (0,28%). Разнообразием реакций, раскрывающих синтагматический потенциал слова-стимула, свидетельствует о прочной закреплённости данного ЯМНКС во внутреннем лексиконе носителей русской культурной традиции, находящихся в иноязычной среде. Однако длительное пребывание за пределами русского этнолингвокультурного дискурса нашло отражение в том, что респонденты второй группы дали значительно меньшее количество прецедентных реакций (2,52%): *сложив руки* (0,56%), *смирно* (0,56%), *в девках* (0,28%), *и ждать от моря погоды* (0,28%), *молча* (0,28%), *на бабах* (0,28%), *на печи*, *жевать калачи* (0,28%), в то время как подобные реакции респондентов первой группы составляют 8,1% и включают как устойчивые сочетания (*без гроша* (0,81%), *в декрете* (0,81%), *просиживать штаны* (0,81%), *сложив руки* (0,81%), *без дела* (0,54%), *на мели* (0,54%), *на хлебе и воде* (0,54%), *сиднем* (0,54%), *в печенках* (0,27%), *на шее* (0,27%), *на чемоданах* (0,27%), *сидеть между двух стульев* (0,27%), *стоять*, *бояться*, *упасть*, *отжаться* (0,27%), *хорошо сидим* (0,27%), так и цитатные реакции («*Вор должен сидеть в тюрьме!*» (0,27%), «*На золотом крыльце сидели ...*» (0,27%), «*Не садись на пенек, не ешь пирожок!*» (0,27%), «*Сижусь за решеткой в темнице сырой ...*» (0,27%)).

Ассоциативные поля ЯМНКС лингвокультурного типа *перестройка*, обозначающего период в истории СССР с 1985 по 1991 гг., характеризуются отличиями в ядерных зонах. Так, в обеих группах респондентов наиболее частотными явились реакции *Горбачев* (23,45% в первой группе, 22,91% во второй группе) и *СССР* (соответственно 6,44% и 4,31%). Однако в следующих ассоциатах наблюдаются расхождения: жители России предоставили реакцию *девяностые годы* (2,84%), а у респондентов, проживающих за рубежом, третьей по частоте стала реакция *развал СССР* (3,5%). Вероятно, именно такое следствие перемен в обществе оказалось более значимым для второй группы участников эксперимента, потому что для большинства из них оно ассоциируется с их переездом в другое государство. Данное предположение может быть также подтверждено следующими реакциями респондентов второй группы: *выезд за границу* (0,81%), *заграница* (0,27%). Кроме того, носители русской культурной традиции, проживающие за рубе-

жом, предоставили большее количество реакций с отрицательной коннотацией: *развал* (2,43%), *разруха* (1,62%), *бардак* (1,35%), *дефицит* (1,35%), *все плохо* (0,81%), *разбой* (0,81%), *ужас* (0,81%), *анархия* (0,54%), *безработица* (0,54%), *грязь* (0,54%), *пустые полки* (0,54%), *разгром* (0,54%), *совок* (0,54%), *гласность – чушь собачья* (0,27%), *голодные годы* (0,27%), *грабеж* (0,27%), *инфляция* (0,27%), *и что они перестроили?* (0,27%), *крах* (0,27%), *кризис* (0,27%), *начало конца* (0,27%), *негативное явление* (0,27%), *недовольство* (0,27%), *непонимание* (0,27%), *неприятно* (0,27%), *нервы* (0,27%), *нехорошее время* (0,27%), *обман* (0,27%), *обнищание* (0,27%), *очереди* (0,27%), *ошибки* (0,27%), *паника* (0,27%), *погром* (0,27%), *пойти туда, не знаю куда* (0,27%), *потерянное время* (0,27%), *предательство народа* (0,27%), *пропади она пропадом* (0,27%), *развал общества* (0,27%), *тревога* (0,27%), *трудности* (0,27%). Часть реакций респондентов второй группы показали незнание ими временных рамок и основных государственных деятелей данного периода: *шестидесятые* (0,27%), *Хрущев* (1,08%), *Брежнев* (0,81%), *Сталин* (0,27%). Очевидно, пребывание в течение длительного времени за пределами русского этнолингвокультурного пространства привело к частичной утрате культурно значимого содержания данного стимула во внутреннем лексиконе респондентов.

Различия в восприятии стимула респондентами, проживающими в России и выехавшими за ее пределы, выявил и анализ ассоциативных полей ЯМНКС лингвоэкологического типа *провайдер*. Наиболее частотной реакцией у респондентов обеих групп стало слово *интернет* (19,52% – у жителей России, 18,78% – у респондентов, проживающих за рубежом). Второй по степени частотности реакцией участников эксперимента стал отказ от ответа (11,5% – у респондентов первой группы, 10,22% – у респондентов второй группы), что объясняется постепенным вхождением данной лексики в активный словарный состав русского языка и, как следствие, низкой степенью ознакомленности с ней некоторых информантов. Данное предположение можно подтвердить и значительным количеством реакций, семантически не связанных со стимулом: *профессия* (1,87%), *магазин* (1,07%), *продавец* (0,8%), *рабочий* (0,53%), *разнообразие* (0,53%), *агентство* (0,27%), *администратор* (0,27%), *аптека* (0,27%), *белый халат* (0,27%), *девушка* (0,27%), *должность* (0,27%), *какой-то мужчина* (0,27%), *консультант* (0,27%), *лекарство* (0,27%), *люди* (0,27%), *менеджмент* (0,27%), *помощник* (0,27%), *прибор* (0,27%), *продает* (0,27%), *продвижение вперед* (0,27%), *распространитель* (0,27%), *товар* (0,27%), *товаровед в крупных магазинах* (0,27%), *торговый* (0,27%), *торговый представитель* (0,27%), *управление* (0,27%), *экономика* (0,27%), *юрист* (0,27%) – у россиян; *товар* (1,1%), *услужливый человек* (1,1%), *человек* (1,1%), *обман* (0,83%), *представитель* (0,83%), *помощь* (0,55%), *поставки товара* (0,55%), *продавец* (0,55%), *продавец-консультант* (0,55%), *торговля* (0,55%), *администратор* (0,28%), *бандюга* (0,28%), *внедрение* (0,28%), *вор* (0,28%), *главный* (0,28%), *должность* (0,28%), *ездить* (0,28%), *менеджер* (0,28%), *молодой человек* (0,28%), *нажива* (0,28%), *наживающий капитал* (0,28%), *направление* (0,28%), *ненужные товары* (0,28%), *нужный человек* (0,28%), *обязанность* (0,28%), *политика продаж* (0,28%), *проводник в темноте* (0,28%), *проводить* (0,28%), *продавать* (0,28%), *продажи* (0,28%), *проньера* (0,28%), *профессия* (0,28%), *путешествует в интернете* (0,28%), *распространитель* (0,28%), *снабжение* (0,28%), *товары почтой* (0,28%), *тот, кто впаривает ненужное* (0,28%), *удовливый человек* (0,28%), *человек, который предоставляет услуги* (0,28%), *электронная торговля*

(0,28%) – у жителей зарубежья. Среди ответов участников обеих групп были выявлены реакции, основанные на восприятии слова-стимула как неологизма или заимствования: *заимствованное слово* (0,27%), *новое* (0,27%) – у респондентов первой группы; *новое слово* (2,21%), *иностранное слово* (0,28%), *современное выражение* (0,28%) – у респондентов второй группы. Особенностью ассоциативного поля, составленного по ответам респондентов, проживающих в России, стали реакции, в которых участники эксперимента прямо выразили свое незнание значения слова-стимула: *непонятно* (0,53%), *неведомая мне фигня* (0,27%), *страх незнания* (0,27%), *фигня какая-то* (0,27%). Приведенное соотношение ассоциатов свидетельствует о равной степени усвоения рассматриваемого ЯМНКС представителями русской этнолингвокультуры, независимо от особенностей языковой среды.

Анализ сходств и различий в составе ассоциативных полей ЯМНКС лингвоструктурного, лингвокультурного и лингвоэкологического типов, составленных из вербальных реакций двух групп участников свободного ассоциативного эксперимента, позволил сделать следующие выводы.

Структурно-семантические особенности ЯМНКС лингвоструктурного типа характеризуются прочной закрепленностью во внутреннем лексиконе носителей русской культурной традиции, находящихся в условиях гетерогенного языкового окружения. Об этом свидетельствуют совпадения наиболее частотных реакций на предложенные респондентам стимулы. Изменения в восприятии данных ЯМНКС отмечаются в периферийных зонах ассоциативных полей, причем случаи утраты их значений являются единичными, а большинство отличий касается включения слов-стимулов в состав прецедентных текстов.

Высокая степень закрепленности во внутреннем лексиконе представителей русской этнолингвокультуры, находящихся за пределами этнической родины, свойственна и ЯМНКС лингвокультурного типа. Тем не менее, были отмечены изменения в восприятии стимулов данной группы, зафиксированные в периферийных зонах. Так, вследствие влияния гетерогенного языкового окружения наблюдаются утрата семантики и культурного значимого содержания некоторых стимулов, затруднения в восприятии и понимании отдельных ЯМНКС, постепенное уменьшение объема знаний, касающихся фразеологического и паремиологического фондов русского языка. Особенности реакций респондентов, проживающих за рубежом, на ЯМНКС данного типа стали подчеркивание их принадлежности к русскому национально-культурному пространству; сопоставление с реалиями той культурной среды, в которой находятся участники эксперимента; отражение событий, связанных с периодом эмиграции респондентов; высокая частотность эмоционально-оценочных ассоциатов.

Различные этнолингвокультурные условия, в которых находятся участники эксперимента, обусловили особенности восприятия ими ЯМНКС лингвоэкологического типа. Ввиду того, что стимулы данной группы являются иноязычными заимствованиями и, соответственно, обозначают реалии, которые больше распространены за пределами России, у информантов второй группы в ряде случаев наблюдается более высокий уровень усвоения данных ЯМНКС. Однако анализ ассоциативных полей части стимулов показал равный уровень их усвоения носителями русской культурной традиции, что можно объяснить широким распространением английского языка в современном мире, а также глобальной компьютеризацией и информатизацией общества.

Анализ ассоциативного материала выявил также зависимость частотности отказов от типа предложенных стимулов.

Наибольшее количество отказов от предоставления реакции было получено на стимулы-ЯМНКС лингвоэкологического типа: 5,14% у респондентов, проживающих в России; 3,81% у респондентов, выехавших за границу. Данный факт объясняется отсутствием какой-либо информации, касающейся таких стимулов, в сознании респондентов и является отражением постепенного усвоения новых слов и понятий носителями языка.

Отказы на ЯМНКС лингвоструктурного типа составили 1,41% у респондентов первой группы и 1,22% у респондентов второй группы. ЯМНКС лингвокультурного типа вызвали, соответственно, 0,83% и 0,52% отказов. Скорее всего, нулевые реакции на стимулы этих групп являлись ситуативными и были обусловлены усталостью, нежеланием вступать в активный контакт и реагировать на любой предложенный стимул.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вендина Т.И. Словообразование и «сокрытые смыслы» языка культуры / Т.И. Вендина // Вестник Московского государственного университета. – 2001. – № 2. – С. 14-32. – (Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация).
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология : (Теория и методы) / В.В. Воробьев. – М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997. – 331 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик; Научно-исслед. лаб. «Аксиологическая лингвистика». – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
4. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак: лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации : [монография] / И.В. Привалова. – М. : Гнозис, 2005. – 469 с.
5. Привалова И.В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (Теоретико-экспериментальное исследование) : автореф. дис. на соискание ученой степени д-ра филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / И.В. Привалова. – Москва, 2006. – 50 с.
6. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 286 с. – (Язык. Семиотика. Культура).
7. Телия В.Н. Типы языковых значений: Связанное значение слова в языке / В.Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
8. Уфимцева Н.В. Предисловие / Н.В. Уфимцева // Языковое сознание и образ мира : [сборник научных статей / Рос. акад. наук, Ин-т языкознания; отв. ред. Н.В. Уфимцева]. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. – С. 3-6.

Ситникова О.В., канд. філол. наук, доцент
Маріупольський державний університет, Маріуполь

ЕКСПЕРИМЕНТАЛЬНЕ ВИВЧЕННЯ НАЦІОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНИХ ОСОБЛИВОСТЕЙ ВНУТРІШНЬОГО ЛЕКСИКОНУ ЛЮДИНИ

У даній статті розглядаються зміни в культурній семантиці одиниць внутрішнього лексикону представників російської етнолінгвокультури, що відбулися під впливом

гетерогенного мовного оточення. Дію інішомовного середовища на респондентів, які мешкають за межами Росії, проілюстровано найбільш показовими прикладами.

Ключові слова: лінгвокультурологія, вільний асоціативний експеримент, мовні маркери національно-культурної свідомості, асоціативне поле.

Sytnykova O.V., candidate of Philological sciences, associate professor
Mariupol state university, Mariupol

EXPERIMENTAL STUDY OF NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITIES OF INNER HUMAN LEXICON

The article deals with the changes of the units of the ethnic and cultural tradition representatives inside lexicon in the cultural semantics, which took place under the influence of a heterogeneous language environment. The exposure of the foreign-language environment on respondents, living outside Russia, is instantiated with the most illustrative examples.

Key words: cultural linguistics, free associative experiment, language markers of national and cultural consciousness, associative area.

УДК 81'373=161.2:93(045)

Ковалюк О., аспірантка
Національний авіаційний університет, Київ

ПОШУК КРИТЕРІЇВ ФОРМУВАННЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ «ПОЗНАЧЕННЯ ЕМОЦІЙНОГО СТАНУ»

Стаття присвячена визначенню основних критеріїв відбору лексики на позначення емоційного стану людини (діахронічний зріз), аналізу основних класифікацій емоцій.

Ключові слова: семантична структура слова, лексико-семантичне поле, лексико-семантична група, емоційний стан людини, емотивна лексика.

Визначення лексичного складу й меж лексико-семантичних об'єднань (ЛСО) різних типів залишається *актуальною* проблемою лексикології, оскільки лексико-семантична система – наймінливіша система серед усіх інших мовних рівнів. Віднесення лексеми до певного ЛСО здійснюється шляхом виявлення її лексичного значення, яке є основою семантичної структури слова. За визначенням В. Гака, «під семантичною структурою окремого значення слова розуміється сукупність елементарних смислів, «сем», які становлять це значення» [1: 95]. Завдання дослідника у процесі моделювання ЛСО – зібрати всі можливі семи та виявити серед них архісему (спільну інтегральну ознаку, яка об'єднує всі лексичні одиниці), а потім на цій основі визначити критерії віднесення тієї чи іншої лексеми до певного ЛСО та критерії його структуризації. Як зауважує Г. Межжеріна, «при поетапному введенні ідентифікаторів йде поступове звування меж лексико-семантичного об'єднання до рівня ЛСГ <...> Одним із важливих аспектів вивчення ЛСГ є вирішення проблеми

© Ковалюк О., 2015